

Светлана
Беличева-Семенцева

НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

ИСПОВЕДЬ
ПСИХОЛОГА

Светлана Беличева-Семенцева

**На переломе эпох.
Исповедь психолога**

«Алисторус»

2015

Беличева-Семенцева С. А.

На переломе эпох. Исповедь психолога / С. А. Беличева-Семенцева — «Алисторус», 2015

Драматическая борьба за детство, а в конечном счете за будущее страны и нации, разворачивается не только на педагогических баррикадах, но в экономике, политике, культуре, в психологической науке и даже в религиозной сфере. И об этой драматической борьбе в условиях эпохальных перемен, переживаемых Россией, пишет автор – президент Консорциума «Социальное здоровье России», 40 лет своей профессиональной деятельности посвятивший психологическому обеспечению гуманизированной социальной политики и охранно-защитной превенции социального сиротства и преступности несовершеннолетних. Книга адресована тем, кому небезразлична судьба нашего детства, а значит, и будущее страны и нации.

© Беличева-Семенцева С. А., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

Вместо пролога	5
Знаки судьбы	7
Пассионарный 1991 год	9
Калина красная	12
Поворот судьбы	15
Режиссер	18
Начать сначала	21
Педагогические баррикады	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Светлана Афанасьевна Беличева-Семенцева

На переломе эпох. Исповедь психолога

Вместо пролога

Правда почему-то торжествует, но почему-то потом.
Александр Володин

Жанр этой книги трудно определить, поскольку автор – профессор психологии, заслуженный деятель науки РФ – пишет не только о своем непростом и нестандартном пути в науку и о пути развития отечественной психологии в этот переломный исторический период, но и о том социально-экономическом и культурном фоне, на котором в это время развивалась научная и практическая психология и складывалась собственная судьба.

Действительно, автору и ее сверстникам выпало жить в эпоху кардинальных перемен сразу во всех жизненно важных сферах, связанных не только со своей профессией, но и происходящих в экономике, политике, культуре и общественном сознании. И вряд ли еще какая страна пережила столь резкие и контрастные перемены, изменившие весь привычный уклад жизни людей, как это произошло в России за последние 20–25 лет.

Социалистическая уравниловка сменилась рыночной экономикой и резким расслоением общества на сверхбогатых олигархов и еле сводящую концы с концами основную массу населения страны. В политике вместо непогрешимой и всевластной КПСС к управлению пришли эффективные менеджеры-оптимизаторы, а с ними и ранее невиданные рейдерские захваты и поражающая своими масштабами коррупция. Перелом общественного сознания означен рухнувшей безбожной коммунистической идеологией и пришедшей взамен ей религиозностью одних и проповедью разнузданной свободы от совести, культивируемой в обществе потребления, у других. А кроме того, произошел невиданный технократический скачок, когда за время жизни всего одного поколения вместо дремучих бухгалтерских счетов получили всеобщую доступность компьютеры и интернет.

Судьба автора сложилась так, что на своем личном опыте ей пришлось испытать все эти эпохальные переломы, пройдя путь от инженера-электронщика, комсомольского, партийного работника до доктора психологических наук, учредившего в начале 90-х годов консорциум «Социальное здоровье России», чтобы вместе с коллегами-единомышленниками помогать нашим детям и их родителям, переживающим все тяготы этого трудного переломного времени.

Непрост был путь автора к профессиональной деятельности психолога, но еще труднее вызревало понимание, что причины детской преступности нужно искать не столько в вине подростков-правонарушителей, сколько в их беде. И для предупреждения преступности несовершеннолетних нужны не административно-карательные меры и постановка на учет в милицию, а профессиональная социальная, психолого-педагогическая и медико-психологическая помощь трудным детям и их родителям.

Казалось нереальным, что эта охранно-защитная превенция станет возможной в России, и государство найдет средства для создания новой социальной инфраструктуры, ориентированной на поддержку семьи и детства, потратится на подготовку новых для России специалистов – социальных работников и педагогов, практических психологов, оказывающих профессиональную помощь семьям и детям группы риска. Но как это ни удивительно, автору удалось зародившуюся еще при советском строе идею охранно-защитной превенции вопреки всему довести до законодательного уровня. И в лихие 90-е, несмотря на социально-экономи-

ческий коллапс и пустой государственный бюджет, которого не хватало на выплату зарплат и пенсий, охранно-защитная превенция получила свою реализацию. Была введена социальная работа и психологические службы, открылась сеть новых социальных учреждений, для которых началась массовая подготовка в высшей школе новых для России специалистов. Давались эти победы ценой тяжелой борьбы и накаленных дискуссий, благодаря армии единомышленников, которые находились не только среди ученых и практиков, но и среди министерских чиновников.

Трагизм эпохальных перемен, происходящих в стране, не минул личную жизнь автора и судьбу учрежденного ею Консорциума «Социальное здоровье России», которого, как и других, не щадили коррупционеры и взяточники. Но не так страшны для гуманизированной социальной политики и охранно-защитной превенции оказались лихие 90е, как «сытые» двухтысячные, когда к власти пришли эффективные менеджеры-оптимизаторы и циничная монетократия стала проникать во все сферы общественной жизни, включая образование, здравоохранение, культуру, религиозные круги. И первыми жертвами этой бездушной оптимизации стали дети, одинокие матери, многодетные и малообеспеченные семьи, а заодно и специалисты, помогающие им.

И снова, как когда-то казалась нереальным замена административно-карательной превенции на охранно-защитную, так и сейчас нереальным кажется противостоять тем, у кого власть и деньги. Но вспоминаются справедливые слова героя Сергея Бодрова из фильма «Брат»: «Вот скажи, американец, разве сила в деньгах?...Нет, не в деньгах, а в правде».

И не может быть праведной дегуманизованная социальная политика оптимизаторов, от которой страдают наши дети и те, кто им помогает. И не может не победить армия бескорыстных единомышленников на этих современных баррикадах борьбы за детство, а значит, и за будущее страны и нации.

Знаки судьбы

Людям свойственно ощущать чужой пристальный взгляд. Даже если человек дремлет в электричке, глубоко погружен в свои переживания на концерте или раздраженно скучает в очереди, он забеспокоится от устремленного на себя взгляда, невольно начнет оглядываться по сторонам, пока не поймет, в чем дело.

Но когда беспокойство испытываешь в таком необычном месте как пустынная кладбищенская аллея, не просто беспокойство, а чувство мистического страха начинает овладевать душой. В тот июньский день 1992 года, находясь по делам в Санкт-Петербурге, я выбралась в Александро-Невскую лавру. Было около четырех часов пополудни. Нежаркое солнце пробивалось сквозь ветви старых развесистых некропольских лип и кленов. Я не спеша брела вдоль правой крайней аллеи, где были захоронены русские композиторы прошлого века. За надгробием Петра Ильича Чайковского аллея обрывалась полуразрушенной часовней. Свернув влево, недалеко от входа в часовню я остановилась у скромного обелиска, увенчанного мраморным женским бюстом, на котором значилось: *Здесь покоится прах девицы Варвары Николаевны Асенковой. Родилась 17 апреля 1817, скончалась 19 апреля 1846.*

Девица Варвара Николаевна Асенкова, в возрасте двадцати девяти лет ушедшая из жизни, была не кто иной, как знаменитая актриса императорского театра времен Александра Сергеевича Пушкина, которой восхищался поэт. А Некрасов посвятил ей стихи:

Кумир моих далеких дней,
Любимый и желанный,
Мне не забыть судьбы твоей,
Таинственной и странной.

Я смотрела на застывшее в мраморе лицо и было грустно от мыслей о быстротечности жизни, славы, любви, всего земного, чему так бурно радуется и от чего так горько страдает человек.

Постепенно чувство беспокойства, испытываемое при ощущении, когда тебя пристально разглядывают, начало овладевать мною. Я оглянулась по сторонам. Как ни странно, что редко бывает в Александро-Невском некрополе, все прилегающие аллеи были пустынные. А беспокойство, тем не менее, не только не покидало, но и усиливалось.

Безмолвный старый ворон сидел на невысоко расположенном суку прямо надо мной и смотрел на меня с такой не птичьей пронзительностью, что становилось не по себе.

Наслышанная про внезапные нападения ворон на людей, я решила не спеша и осторожно, чтобы не спугнуть птицу, удалиться. Однако не успела сделать и несколько шагов, как ворон сорвался с ветки, догнал, коснулся крылом моей головы, и, пролетев вперед несколько метров, уселся на ветку впереди стоящего дерева и снова вперил в меня свой острый, не по-птичьи осмысленный взгляд. Такой неожиданный и странный пассаж кладбищенского ворона ввел меня в чувство мистического ужаса, но делать было нечего, нужно было как можно спокойнее двигаться вдоль злополучной аллеи к спасительным входным воротам. Однако не успела я минут пристально рассматривающую меня птицу, как все повторилось. Снова он сорвался с ветки, догнал, шевельнул крылом мои волосы, и, усевшись на суку впереди стоящего дерева, с той же пристальностью уставился на меня, будто что-то хотел сказать, о чем-то предостеречь. Но увы... не дано нам, простым смертным, понимать безмолвный язык птиц и животных, каким бы выразительным он ни был.

Не поняла я и тогда, что хотел сказать этот старый ворон, проживший свою долгую жизнь среди погребений Александро-Невской Лавры, среди душ великих усопших и привыкший кружить вместе с ними над кладбищенским садом и крышей заброшенной часовни.

Вороны о добром не вещают. Но в эту старую истину верить не хотелось, позади было так много потрясений и преодолений и в каждой нашей личной судьбе, и в судьбе нашего многострадального отечества, что не верилось, что впереди могут ждать еще более тяжкие испытания.

В то лето 1992 года мы жили радушными надеждами и в бешеном темпе. Это был год после августовского путча, когда, казалось, в почти безнадежной ситуации был спасен Белый

Дом и новая Россия, когда жизнь была на пиковом подъеме, и кружили голову наши бурные дела и дерзко смелые начинания, и мы были до отказа ввинчены в свои непривычно новые и самостоятельные заботы. Не верилось, ох, не верилось, что самые тяжкие испытания впереди. И пройдут они через наши души, через самое святое и сокровенное, через любовь, дружбу, дом, семью. И многие, ох, многие, а главное, самые близкие и дорогие люди в этой непримиримой борьбе добра и зла, – фронт, который переместится в наши души, останутся по ту сторону баррикад.

Пассионарный 1991 год

Вот уж действительно, поистине верно сказано, что человек предполагает, а Бог располагает. Новый 1991 год мы встречали в только что обжитой, уютной квартире на Сивцевом Вражке, которая после долгих мытарств и многолетней жизни на чемоданах стала нашим постоянным пристанищем в Москве.

Казалось, этот старый дом с толстенными кирпичными стенами, похожими на крепостные, с окнами в глухой двор, отгороженный высоким забором от Канадского посольства, принесет, наконец, долгожданную, спокойную и размеренную жизнь со всеми нехитрыми земными радостями.

Новый 1991 год мы встречали с немолодой супружеской четой, знакомой психологиней и ее мужем-художником. Художник обладал странным даром неосознанного предвидения чужих судеб, что отражалось в написанных им портретах и в его еще более странной биографии. За его неполных 60 лет судьба так распорядилась, что он в разные годы своей жизни пересекался с разными знаменитостями своего времени. В четыре года на даче он познакомился с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым, который приезжал погостить с дядькой-актером МХАТа, позже, в двенадцать лет, в пионерском лагере дружил с другим отдохавшим здесь пионером, который сочинял стихи – Женей Евтушенко. В двадцать пять лет он отдыхал в Евпатории с молодой четой Горбачевых, в ту пору, когда еще Михаил Сергеевич комсомолил в Ставрополье. Профессиональная наблюдательность и хорошая образная память нашего Художника запечатали такие мелкие, точные и характерные детали в облике и поведении знаменитостей, о которых нигде больше не прочтешь и не услышишь и потому слушать его воспоминания можно было взахлеб и бесконечно.

Не менее выдающимся свойством нашего Художника была способность рисовать провидческие портреты, в которых отражалось не столько современное лицо и выражение позирующей модели, сколько ее будущее. По его портретам можно было читать чужую судьбу и порой, весьма трагическую. В его доме особенно выделялся портрет женщины-самоубийцы, обреченность которой читалась во всем: в отчаявшихся глазах, безвольной позе, сигарете, будто забытой в краешке губ. Писался этот портрет задолго до трагического конца, в лучшие годы той женщины, когда казалось, ничто не предвещало жизненного тупика, из которого ей так и не удалось выйти. Но каким-то странным образом, которого Художник не мог объяснить, он уже тогда увидел эту отчетливую печать безнадежной обреченности.

Вот почему, когда он захотел написать мой портрет, я согласилась с немалым страхом, поскольку всегда жутко заглядывать в свое будущее. Портрет действительно получился из будущего и внешне был весьма отдаленно похож на меня. На портрете, написанном в колоритных, контрастных тонах, приковывали внимание глаза, полные страдания и глядящие вдаль, вперед, как бы поверх повседневной суетности. Было непонятно, как ему удалось изобразить такую бездонную, и вместе с тем, приподнимающуюся над суетностью жизни боль. Этот собственный взгляд из будущего, полный душевного страдания я не выдерживала, и потому никак не могла решиться забрать сей портрет из дома Художника. И вот через два года после его написания он принес мне этот портрет в подарок сразу к двум праздникам: Новому Году и новоселью.

И на этот раз портрет Художника оказался провидческим. Нет, не покой и мирное семейное счастье принесло это уютное гнездышко на Сивцевом Вражке. Здесь пришлось пережить и сумасшедшие взлеты и не менее сумасшедшие жизненные крахи, пережить и выжить в которых можно было только благодаря глубинному духовному перерождению, приходящему через страдания, непереносимую душевную боль и невосполнимые потери.

Прямо сразу, с первых месяцев того памятного Нового 1991 года, когда вместе с Новым Годом отмечалось и новоселье, незаметно и стремительно мы были вынесены на гребень бур-

нейших событий, связанных с невиданными социальными и экономическими переменами, переживаемыми в стране. И самое удивительное, все это произошло непреднамеренно и непредсказуемо, как бы помимо нашей воли.

Вскоре, вслед за новогодними праздниками, в нашем доме появился неожиданный и желанный гость – наш общий Друг по Тюменскому университету, скромный кабинетный Ученый, как он себя называл, которого мы не видели больше двух лет и которого нам всегда не доставало. Он приехал с какими-то фантастическими проектами своего коммерческого предприятия, что тогда казалось совсем нереальным и уж во всяком случае, неожиданным для успешно работающего в науке физика. Наши ночные, далеко затягивающиеся за полночь беседы, пестрели неслыханными доселе и плохо понимаемыми словами: биржи, акции, фондовый рынок, эмиссия, номинал, открытая экономическая зона.

Идеи были так новы, так фантастически необычны и привлекательны для нашего еще советского восприятия, что захватили не только нас с мужем, но и стали интересны расторопной прессе. И эти обсуждения и рассуждения из нашей скромной квартиры стремительно переместились на страницы газет, экраны телевидения, в эфир.

Мы помогали нашему Другу как могли. На этом этапе главное было завоевать общественное признание и общественное доверие. Бурно расширялся журналистский круг, заинтересовавшийся идеями нашего Друга. На первую пресс-конференцию, которая проходила в июне того 1991-го года во внушительнейшем здании Москвы – здании СЭВ на Калининском проспекте, приняло участие около тридцати журналистов из разных отечественных и зарубежных изданий. Наш Друг выдержал первое публичное испытание с честью. Нефть и политика, нефть и ценообразование, нефть и рыночная экономика, нефть и геополитические интересы Востока и Запада – он знал все и успел все обдумать, его невозможно было застать врасплох. Он не горячился и не волновался, был спокоен и рассудителен, покорял скромностью, человечностью, обычностью и отсутствием всякой эффектации.

Новый герой выходил на небосклон политической и экономической жизни вступающей на новый путь России. Его ждали и ему поверили. Акции учрежденных под его началом первых бирж и предприятий превзошли все рекорды Гиннеса и расходились с превышением в триста с лишним раз от номинала. Неустанно растущий от их продажи капитал тут же перекачивался в новые дочерние предприятия, возникающие в западных и восточных, северных и южных районах страны, включая Москву и Санкт-Петербург, Калининград и Кемерово, Ростов и Тюмень, Харьков и Новочеркасск.

Штаб-квартира этой все разрастающейся империи находилась в затхлом подвале на Спиридоновке, вблизи Патриарших прудов, где когда-то объявился в Москве Воланд со своей свитой. И так же, как золотой дождь сыпался в зал на представлении, устроенном Воландом, так же, чудесным и непостижимым образом, народ с деньгами устремился на Спиридоновку за акциями, брокерскими местами, учредительными документами, не замечая странного несоответствия между неслыханными капиталами, оседавшими здесь и облупившимися стенами, проваливающимися полами и несусветной перенаселенностью этого магически притягивающего подвала.

Друг появлялся после поездок с очередного учредительного собрания и в неизменно шутиливой форме комментировал стремительно нарастающий бум вокруг своего имени и своей все разрастающейся компании. Гуляя по Арбатским переулочкам, недалеко от того места, где доживал свои последние годы Булгаков и где он работал над «одной вещью», как называл писатель свой роман «Мастер и Маргарита», принесший впоследствии ему небывалую посмертную славу, мы наткнулись на старый скромный особнячок, в котором размещался крохотный уютный ресторанчик «У Маргариты». В ресторанчике негромко играла скрипочка, стояло всего шесть – семь столиков, за которыми располагались довольно необычные и, судя по всему, весьма состоятельные посетители, бывшие накоротке с владельцем ресторанчика.

Этот рестораник с негромкой, нежной скрипочкой и холеным, с острыми изучающими глазами хозяином, понравился нам. Где, как не «У Маргариты» можно было обсуждать фантастические успехи и еще более фантастические перспективы предприятия, основанного нашим Другом. Среди бурных перемен и событий, на Друга вдруг наваливалась ностальгия по прежней спокойной и размеренной жизни кабинетного ученого. Его еще не оставляла надежда на то, что выкроится время для защиты практически готовой докторской диссертации, и что когда-нибудь он вернется к своей, как тогда казалось, на время оставленной физике.

Очень его занимала и моя судьба. И он, в своей спокойной аргументированной манере обстоятельно доказывал мне, что я должна отказаться от моей теперешней, тоже очень суетной и напряженной деятельности и целиком уйти в кабинетное творчество, и что именно сейчас у меня для этого есть все условия. Меня обижало его упорное нежелание понимать и принимать смысл и содержание моей работы и невозможность оставить ее на полпути, незавершенной.

Калина красная

По удивительному стечению обстоятельств одновременно почти день в день с регистрацией в Москве предприятия нашего Друга, тоже в марте 1991 года, стартовало и мое долгожданное детище. В Белом Доме, после долгих и изнуряющих проволочек и согласований, был подписан приказ и техническое задание на разработку и внедрение впервые в России новой специальности и новой для нас социальной науки и практики – социальной работы. А это означало, что от политики администрирования, карания и подачек Государство перейдет к профессиональной и адресной помощи и поддержке всех страждущих: сирых и калек, сирот и одиноких, стариков, тех, кто встретился в этой жизни с тюрьмой и с сумой. Сбывалось то, к чему все годы своей, казалось, ранее никому ненужной профессиональной деятельности, я стремилась и призывала и голос мой был как глас одинокого в пустыне. На тех, кто в старые добрые застойные времена милость к павшим призывал, смотрели с неодобрением, либо, в лучшем случае с недоумением.

Особенно больно было за судьбу детей, угрозивших родиться в семьях с непутевыми родителями, которые и сами не могли найти своего места в жизни. В шагающей к коммунизму стране для тех, кто не вписывался в пионерские лагеря, существовала своя сеть лагерей-гулагов, где и начиналась биография десятков тысяч подростков.

Эту боль и трагедию в своем последнем фильме, вышедшем в 1974 году – «Калина Красная», показал Василий Шукшин. Бездна загулбленная судьба бывшего зэка Егора Проскурина шемящей, не отпускающей тоской давила сердце. Но, увы... реакция на этот фильм была далеко неоднозначная, особенно среди тех, кто по роду своей службы должен был заниматься судьбами таких, как Егор Проскурин. Помню, как на одной большой и представительной научной конференции, крупный ученый-криминолог – общепризнанный авторитет в области детской преступности, формировавший в то время государственную превентивную политику, с брезгливостью вещал с трибуны о вреде таких фильмов, как «Калина Красная», в котором, по его выражению, размазываются сопли и слезы по участи преступников.

Уже потом, много позже, поняла я, откуда этот нетерпимо брезгливый тон к чувству сострадания у представителей нашего официоза. Спустя десять лет после выхода «Калины Красной», работая над докторской диссертацией, я задалась целью просмотреть историю нашей государственной политики в отношении трудного детства.

Я вышла на тогда еще негласно запрещенную тему, связанную с кровавыми следами, оставленными в нашей истории Отцом народов. С не меньшей изощренностью и жестокостью, с которыми вождь расправлялся со своими политическими противниками и социально чуждыми элементами, расправился он и с детьми. Беспрецедентный сталинский указ от 7 мая 1935 года предписывал пацанов с 12 лет и старше судить наравне со взрослыми, согласно суровому уголовному кодексу того времени и содержать малолеток в Гулаге вместе со взрослыми, не создавая никаких отдельных условий и поблажек. Упразднялась деятельность всех социальных институтов, занимающихся защитой детства, закрывались трудовые воспитательные колонии, в которых когда-то работал Макаренко и воспитывались Александры Матросовы. Больше всего удивляло то, что кому-то потребовалось при этом подчистить историю. Статьи и материалы о социальных учреждениях для трудных детей, действующих в стране до 1935 года, были аккуратно, бритвочкой вырезаны в тех старых журналах, которые мне удавалось найти в закрытой библиотеке НИИ Прокуратуры.

Горячий и непоследовательный Никита Сергеевич за свое короткое десятилетнее правление, называемое впоследствии «хрущевской оттепелью», сумел исправить трагическое положение малолетних правонарушителей. Был изменен уголовный кодекс, по которому полная уголовная ответственность наступала теперь с 18 лет, частичная – с 16 лет, и лишь по отдель-

ным тяжким преступлениям – с 14-ти. Максимальный срок для несовершеннолетних ограничивался 10 годами. Восстанавливались специальные воспитательные учреждения в системе народного образования и специальная сеть исправительно-трудовых учреждений для несовершеннолетних в системе МВД.

Тогда, в краткую эпоху оттепели, думали о детях из неблагополучных семей. Почти повсеместно возводились типовые интернатные учреждения со своими школами, спальными корпусами, приусадебными участками, домами для учителей.

Но характерная советская печать казарменности и казенности присутствовала и здесь: классы были рассчитаны на сорок учеников, а спальни – на двадцать. Вульгарный коллективизм, предполагающий хождение строем и ежеутреннее построение на линейку, на которой прорабатывались отстающие и недисциплинированные, был главным фактором воспитания и перевоспитания. И очень скоро дети, помещенные в эти казармы, перестали понимать благие намерения их создателей и ответили черной неблагодарностью. Побег и хулиганство, неуспеваемость и недисциплинированность начали нещадно огорчать педагогов и портить официальные показатели, по которым оценивались учебно-воспитательные заведения.

Потребовались дополнительные дисциплинарные воздействия, которые не входили в компетенцию школы. И за дело принималась милиция, теоретически вооруженная теми самыми учеными-криминологами, которых раздражала «Калина Красная» и Василий Шукшин вместе со своими незадачливыми героями. Все усилия советской системы сводились к социальному контролю, то бишь, к постановке на учет в милиции с неограниченно раннего возраста и административно-уголовному наказанию, которое, правда, имело свои возрастные ограничения, что весьма возмущало воспитателей в погонах. Однако, по отношению к тем, кто еще не достиг возраста, когда судят, тоже работы хватало: обсуждения на комиссии, письма на производство родителям, штрафование, мобилизация общественности, родителей с испытанным домашним средством – ремнем, учителей с двойками и записями в дневник. О социальной работе, о психологической помощи, о медико-психологических консилиумах и консультациях тогда не слышали, а если бы и слышали, то воспринимали бы их как некие интеллигентские шуточки и пустые сантименты.

Но эти злополучные подростки, несмотря на все усердие и старание милиции, комиссий, инспекций, а может, и благодаря им, бросали школы, сбегали из дому, бродяжничали, воровали и грабили на улицах, пока не попадали в главные воспитательные учреждения – колонии, где за дело брались паханы, готовя из малолеток достойную смену для преступного мира. За двадцать лет благополучного советского времени с 1968 по 1988 годы преступность несовершеннолетних выросла на 200 %, то есть, росла в среднем в год на 10 %.

Нет, не могли мы, те немногие, кто занимался психологией трудных детей, не понимать, что за каждым таким подростком стоит не столько вина, сколько беда, и что нужны здесь не инспекции и колонии, а совсем другие меры помощи, поддержки и защиты. Отгороженные от цивилизованного мира, мы шли на ощупь и очень смутно себе представляли, как реально можно организовать государственную охранно-защитную систему превенции.

Где-то начиная с 1990-го года, когда у нас стали проходить первые представительные международные конференции, стала пробиваться идея социальной работы, социальных служб и учреждений, что существовала в западных странах без малого 70–80 лет. Сколько же было положено усилий, чтобы получить от российского Правительства заказ на разработку этого долгожданного проекта по внедрению у нас социальной работы и охранно-защитной превенции, что должно было положить начало принципиально новой, гуманистически ориентированной и цивилизованной социальной политике. К тому времени я только что защитила докторскую диссертацию, посвященную детско-подростковым девиациям, и мне было поручено возглавить ВНИК – временный научно-исследовательский коллектив «Государственная система социальной помощи семье и детству», разрабатывающий этот проект.

В начале столь нового пути, естественно, вопросов было больше, чем ответов. С благородной миссией – помочь России в становлении социальной работы – к нам прибыл тогда из Швейцарии генеральный секретарь международной Ассоциации социальных работников Андрей Владимирович Муравьев-Апостол, потомок известной семьи декабристов. После встречи с нами он направился в Китай, где тоже только приступали к созданию системы социальной работы.

Поразительно, как причудливо переплетаются порой в нашей жизни связи времен и судеб, как неожиданно, спустя десятилетия, проявляются знаки судьбы. Почти двадцать лет назад, также на переломе моей судьбы, уже возникала эта фамилия Муравьев-Апостол. Но тогда это был Матвей Иванович, которому Андрей Владимирович приходился праправнучатым племянником.

Поворот судьбы

Был солнечный май 1972 года, я бродила по маленькому деревянному уютному сибирскому городку Ялуторовску, где когда-то в ссылке, после каторжных работ, проживала колония декабристов из семи человек. Гуляя, я набрела на деревянный домик с полисадничком перед окнами, который мало чем отличался от соседних. Мемориальная доска на стене домика свидетельствовала, что в ссылке здесь проживал декабрист Матвей Иванович Муравьев-Апостол. Строя свой дом, в фундамент он заложил бутылку со скупой записочкой, в которой для будущих потомков перечислял фамилии живущих вместе с ним в Ялуторовске ссыльных товарищей.

По неслучайной прихоти судьбы, через сотню лет в домике поселился ссыльный агроном Иван Юрьевич Азолин, увлекающийся краеведением и по крохам собирающий материалы об истории Ялуторовска. Перед самой войной, перекапывая дом, Азолин обнаружил бутылку с запиской Муравьева-Апостола, удостоверявшей принадлежность этого дома ссыльному декабристу. И эта записка послужила главным доводом для открытия в 1938 году в доме Матвея Ивановича первого в Советском Союзе мемориального музея декабристов.

Уже после войны вернувшийся с фронта учитель истории, тоже заболевший краеведением, Терентьев Иван Степанович стал директором музея и посвятил себя сбору мемориальных экспонатов в этот музей.

Весь Ялуторовск помогал Ивану Степановичу собирать вещи декабристов, хранившиеся в семьях горожан. Уезжая из Ялуторовска после указа о помиловании в 1856 году, декабристы дарили своим ялуторовским друзьям, соседям, ученикам свою мебель, домашнюю утварь, книги. И вот сейчас эти бережно, из поколения в поколение хранившиеся вещи, собирались в свой родной дом.

Дом не походил на музей. Он был обжитым и уютным, будто хозяева только на время отлучились и незримо присутствуют в маленьких комнатах с низкими, небольшими оконцами. Служители музея говорили о декабристах, как о живых и хорошо знакомых людях. Сочувствовали горькой судьбе лучшего друга Матвея Ивановича Якушкина Ивана Дмитриевича, жене которого царь не разрешил следовать за мужем. И она умерла, не выдержав разлуки, оставив двух малолетних сыновей. Всю свою оставшуюся жизнь Иван Дмитриевич прожил бобылем и посвятил себя воспитанию чужих детей. Ему удалось открыть две школы, мужскую и женскую. Государственным преступникам не разрешалось заниматься образовательной деятельностью, и местный священник Знаменский взял на себя большой грех, назвав светские школы, обучение в которых велось декабристами по составленным ими же программами, церковно-приходскими.

Душой общества был Иван Иванович Пущин, лучший лицейский друг Пушкина, судьба которого была не менее романтической, но более счастливой, чем судьба Якушкина. Он тоже через всю жизнь пронес любовь к одной женщине, жене декабриста генерала Фонвизина, который в ссылке вместе с женой жил в Тобольске. Наталья Дмитриевна Фонвизина несколько раз навещала Ивана Ивановича, и уже после помилования и возвращения из ссылки, когда муж умер, влюбленным на склоне лет удалось обвенчаться и доживать свою жизнь вместе.

Иван Иванович имел склонность к адвокатской деятельности, он писал за горожан и крестьян из прилегающих деревень прошения и ходатайства в суд и к местному начальству, защищая неграмотное население от лихоимства.

Там, в Ялуторовске, открылась для меня одна истина, о которой почему-то не говорилось в наших учебниках истории. Самый большой жизненный подвиг декабристы совершили не столько 14 декабря 1825 года, выйдя бунтарями на Сенатскую площадь, сколько здесь, в заснеженной Сибири, где провели они последующие тридцать лет, в отрыве от родных, от культур-

ных центров и привычного образа жизни. Здесь их гражданский долг и духовность выдержали испытание в негромких малых и добрых делах, незаметном служении людям и их повседневным нуждам. Великодушные, благородство и бескорыстие, с которым несли они свой крест и свою миссию, не остались незамеченными окружающими. Аура добрых дел, исходящая от них, пропитывала воздух этого, затерявшегося в просторах Сибири городка, жила в памяти потомков и делала их души миролюбивыми и благожелательными, что не могло не чувствоваться здесь и спустя полтора века.

Был, был и у России этот исторический шанс – в соответствии с программой декабриста Никиты Муравьева – пойти по пути реформ и просвещения, без кровопролитных братоубийственных войн и революций, по пути конституционной, сдерживаемой парламентом монархии, по которому, к декабрю 1825 года, без малого триста лет уже жила процветающая Англия. Но историческая судьба распорядилась по-своему. Одни, имущие, не смогли преодолеть свой эгоизм, другие, неимущие, – свою нетерпимость.

«Весь мир насилия мы разрушим...», – запели трудящиеся массы и, вооружившись идеями большевизма, ринулись разрушать, крушить и созидать новое общество на обломках, обильно замешанных на своей и классово чуждой крови своих соотечественников. Пьянящий революционный романтизм не отрезвлялся ни пролитой кровью гражданской войны, ни страшными сталинскими репрессиями. Одни гибли в лагерях, а другие с песнями и бравурными лозунгами воздвигали Магнитку и Днепрогэс, и будущее казалось лучезарно прекрасным.

И мы, выросшие в пионерских отрядах и распевавшие революционные песни у пионерских костров, хотя и имели в своих родословных бесследно сгинувших дедов, мало что о них знали и тоже дышали революционной романтикой.

Дышали романтикой и мои комсомольские друзья, с которыми я приехала в Ялutorовск. Нет, ни стремление познакомиться с историей декабристов привело меня в этот уютный городок. Я приехала сюда с бригадой Тюменского обкома комсомола, привлеченная моей Подругой, работающей тогда в обкоме комсомола, для проверки Ялutorовской комсомольской организации. Но Подруга, несмотря на свой служебный обкомовский пыл и рвение, была ко мне снисходительна и смотрела сквозь пальцы на то, что я занимаюсь не делом, а пропадаю в музеи декабристов. Ей тоже вечерами в гостинице было интересно слушать о моих открытиях и впечатлениях.

Моя великодушная Подруга так до конца жизни и осталась неисправимым романтиком, мечтающим великими делами перевернуть мир. Она надорвалась, и неизлечимая, страшная болезнь изглодала ее в расцвете лет. Но все это будет потом, потом, а тогда она сыграла в моей жизни роль человека, переломившего всеильную судьбу.

Она перетянула меня с моторного завода, где я была секретарем комитета комсомола по идеологии, в обком комсомола и определила меня на должность заведующей лекторской группой, которая свела меня с самыми разными людьми и самыми запутанными судьбами, заставила видеть во всем непостижимом разнообразии этот, не устающий удивлять мир и чувствовать неукротимый и непредсказуемый пульс жизни. Мы мотались с ней по Тюменским северам, не успевая запоминать адреса ударных строек: Надым и Уренгой, Нижневартовск и Сургут, Березово и Игрим, Когалым и Тобольск. Мы видели, как в буреломной тайге и непролазных болотах росли города и прокладывались многослойным настилом, будто слоеные пирожки, дороги, как высились нефтяные вышки и горели газовые факелы. Мы видели удивительных людей, становившихся сильней суровой природы и неукротимой стихии заполярного севера. Эти люди получали немалые деньги, но они работали не за деньги, за деньги так работать невозможно. Все та же романтика переполняла их и удесятеряла силы.

Но не все, не все было безоблачно в жизни этих былинных богатырей. Они страдали и ломались, казалось, на каких-то неважных, неприметных бытовых житейских историях:

неверности мужей и жен, неразделенной любви, зависти и интригах менее удачливых сослуживцев, несправедливости начальства.

Да и в наших жизнях, меня и моей подруги, все было ох как не гладко. Я приезжала после своих потрясающих командировок в дом, где меня совсем не ждали. Она возвращалась, переполненная впечатлениями к мужу, который был занят своей жизнью и своими проблемами. Что-то очень сильно не ладилось у всех нас, и отмахнуться от этого было все труднее и труднее. Каждый из нас искал свой выход. Подруга все больше погружалась во все новые и новые дела, я все больше зарывалась в книги и уходила в себя. У нас не принято было плакаться в жилетку и делиться своими житейскими трудностями.

Только неизлечимо больная, на пороге ухода, она рассказывала мне о том, что омрачало ее жизнь и подтачивало жизненные силы. Каждый шел своей дорогой, но судьбы наши так и не расходились до самого конца. Мы обе, каждая своей крутой дорогой, шли к Богу и пришли, наверно, слишком поздно. Но не наша в том вина.

Несмотря на бурное течение жизни и переполненность внешними событиями, томила и металась в глухих потемках душа. Чувство неясной тревоги и неудовлетворенности росло и все больше вытесняло другие ощущения. Не принято, да и не с кем было говорить об этих непонятных и неуместных внутренних метаниях. Но всегда, когда свои силы на пределе, Бог посылает спасительную помощь, спасительную встречу и поворот судьбы.

Режиссер

Тогда, истомленная духовным одиночеством, я узнала и близко сдружилась с человеком, который надолго дал пищу мятущейся, изголодавшейся душе. Это был главный режиссер областного театра кукол, дружбу с которым мне суждено было пронести через десятилетия моей с непредсказуемыми поворотами жизни.

Режиссер был из числа оглашенных, безмерно преданных своему делу и театру, человек. Его любимой и часто повторяемой шуткой была: театр моя жена и моя любовница. Действительно, он дневал и ночевал в театре, обуреваемый все новыми идеями и постановками. Тогда Режиссер был еще молод, ему только минуло 36 лет, и он переживал пик своей творческой интуиции, которая позволяла ему ставить пронзительные по своей созвучности с какими-то глубинными состояниями души, спектакли.

Он был очень изобретателен в своих изобразительных средствах: световые эффекты, куклы, маски, живые актеры, на равных участвовали в его сценических действиях, потрясая души и сердца зрителей. Но потрясала не только и не столько его фантастическая изобретательность, но и сверхидеи его спектаклей, которые как всполохи молний, высвечивали скрытые и порой незаметные для самого человека пружины его трагических падений и предательств.

Первый спектакль, который я увидела у Режиссера, был поставлен по незатейливой японской сказке «Журавлиные перья». Бедный юноша-крестьянин подобрал в поле раненного журавля и выходил его. Журавль превратился в прекрасную девушку, которая стала его женой и принесла ему не только любовь, но и богатство. Но алчность оказалась сильнее любви. Все снова и снова упрашивал неожиданно разбогатевший бедняк ткать свою жену дорогое полотно из своих журавлиных перьев, пока она не покинула его, обезумевшего от горя невозвратной потери.

Слезы застилали мои глаза, когда в зале зажегся свет. Как будто свою судьбу, в которой я боялась признаться не только другим, но и себе, увидела я на сцене. Знаком, до боли знаком был этот пронзительный сюжет. Только вместо бедного крестьянина столь же неутолимый аппетитом страдал мой муж, в недавнем прошлом бедный и безродный студент. Не хотелось в это верить и сознаваться себе, что разрыв неизбежен и что нельзя посвящать жизнь чужим безграничным потребностям, и что даже у Золотой рыбки из пушкинской сказки в свое время наступил конец терпению.

И как ответ на все тайные сомнения и муки, грянул этот спектакль «Журавлиные перья», задолго, почти за пять лет предупредив об этом неминуемом и болезненном разрыве. Тогда, когда это произошло, казалось, что жизнь окончена и уже ничего не будет, кроме этой, черной кровью запекшейся душевной раны. Но не суждено было тогда окончиться моей женской судьбе, и за ее поворотами ожидали и другие встречи, и другие разрывы.

Вспоминала я Режиссера и его спектакли и потом, спустя двадцать лет, когда наступили новые времена новых возможностей. Его спектакли «Прекрасная Галатhea» и «Слово о полку Игореве» были об этом новом времени и его трагедиях. Длинноногая, прекрасная и бездушная Галатhea, развращающая своей красотой и доступностью окружающих мужчин, соблазнившая самого Зевса, стала, в это время новых возможностей, нашей активно действующей на жизненной сцене современницей. И оглушенные похотью, мужчины из «новых русских», предавали себя и своих близких, как в омут, бросаясь в отнюдь недешевые, любовные приключения.

В Петербурге в 1993 году я познакомилась с героем нашумевших газетных публикаций, удачливым коммерсантом и сильной личностью, год проведшим в Крестах из-за такой красоты. Газеты писали о фантастической криминальной истории, как красotka, в наручниках и с черной повязкой на глазах, томилаcь в тайной квартире, охраняемая наемниками коммерсанта, якобы потому, что не уступала его домогательствам. И только чудом ей удалось спастись

и обратиться за помощью в органы, где только того и ждали, чтобы тут же незамедлительно поместить коммерсанта в Кресты. Год длившееся следствие не подтвердило ни мужских домогательств, ни финансовых нарушений, приписываемых коммерсанту. Уже при одном взгляде на этого атлетически сложенного красавца со жгучими глазами, как-то очень трудно представлялось, что может найтись современная девица, которая будет столь упорно сопротивляться любовной связи с этим богатым, щедрым и к тому же, обаятельным мужчиной.

История действительно была довольно банальная. Да, был романчик, флирт, мимолетная связь, благодаря которой провинциальная юная особа получила невиданные возможности: деньги, наряды, квартиру, прописку в Питере и право распоряжаться благотворительными средствами, которые выделялись фирмой коммерсанта. Как водится, красotka не удержалась и начала беззастенчиво злоупотреблять и этими средствами, и своим влиянием на шефа, которое к тому времени успело весьма ослабнуть. По сему поводу пошли внутренние разборки, которые и подвинули героиню романа вкупе с заинтересованными лицами из органов прибегнуть к такому необычному и рискованному пассажу.

Увы, история и типичная, и поучительная. Но, к сожалению, мало кого и чему она научила. А как иначе объяснить, что, спустя три года, уж совсем скандальная и шумная история приключилась с Министром юстиции, служителем Фемиды, на которого опять же заинтересованными лицами из органов были представлены фото- и киноматериалы с кадрами из сауны, где министр развлекался все с теми же красотками.

Недаром в русских сказках часто повторяется о том, как их герой проходит через огонь, воду и медные трубы. А вот в трубах-то многие и застревают, не проходят испытаний славой, властью, деньгами и женщинами. И распад даже самых, казалось бы благочестивых чаще всего начинался с женщин и не с любви, большого и светлого чувства, а с элементарной, искусно разжигаемой похоти.

Еще одно, не менее тяжелое испытание, которое готовят медные трубы – это испытание властью и честолюбивой ненасытностью. И об этом был поставленный Режиссером в те далекие застойные времена спектакль «Слово о полку Игореве». И этот спектакль, к несчастью, пришлось вспомнить спустя двадцать лет, в новые времена новых возможностей. Честолюбивые, не поделившие власть и почести русские князья, обрекли на гибель свои разрозненные дружины и на поругание – землю русскую. Как живые и скорбные памятники этому губительному княжескому честолюбию, стояли, в конце спектакля, поникшие русские женщины с раскосыми младенцами на руках, родившимися от чужеземных насильников. Трудно было придумать более впечатляющий символ предательства и попражня.

Честолюбие и похоть идут бок о бок в черном деле развращения душ. Из-за честолюбия и жажды власти предаются бывшие друзья и соратники, из-за похоти – любимые, то есть, все и вся, что составляет фундамент души человеческой. А распад душ с неизбежностью ведет за собой гибель самых блистательных начинаний: разорение цветущих фирм и компаний, развал некогда могущественных государств.

Не так ли, бывшие защитники Белого Дома, выстоявшие в августе 1991 года, когда, казалось, вся государственная мощь Советского Союза – и армия, и КГБ, и Верховный Совет, и средства массовой информации были против, не успев пережить лавры победы, превратились в непримиримых врагов и уже через два года очутились по разные стороны баррикад того же Белого Дома. И ценой все новой и новой человеческой крови начали платить России за политические амбиции и неутоленное честолюбие новоявленных князьков.

Не мог знать Режиссер об этих грядущих спустя два десятилетия событиях, не могли и мы думать тогда, как провидчески его спектакли. И никакое, даже самое буйное, воображение не могло предвидеть тех фантастических перемен, которые произошли со всеми нами и нашим обществом за это время.

А тогда эти провидческие спектакли и их бурные обсуждения с Режиссером начали открывать во мне какое-то внутреннее зрение, и словно слабый фонарик засветил среди моих затянувшихся духовных потемок. Начало созреть робкое, неуверенное, долго не оформляющееся и не формирующееся решение – искать себя в новой профессии. И так постепенно и с муками из бывшего инженера и комсомольского работника начал рождаться психолог.

Начать сначала

Начинать всегда трудно. Но начинать новую профессию с поступления в аспирантуру, когда у тебя нет базового образования и нет профессионального общения, чтобы делать и оттачивать первые профессиональные шаги – это похоже на авантюризм. Однако, отнюдь не смущаемая этим обстоятельством, в пору роскошных белых ночей, я прибыла в Ленинград, чтобы подать документы в аспирантуру факультета психологии Ленинградского университета, познакомиться со своим будущим шефом и получить его добро на право держать вступительные экзамены.

Петерские белые ночи потрясли меня. Я бродила по площадям и набережным этого, как когда-то сказал поэт, «державного» города, и рефреном во мне звучали, пели, били в набат Пушкинские строки:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит.

Много позже потом мне довелось увидеть немало роскошных европейских городов и столиц, но не изменилось убеждение, что Петербург по красоте и величественности не уступает прославленным Вене, Парижу и Лондону.

Величие и красота города словно вбирались в мою душу и укрепляли решимость преодолеть все мыслимые и немыслимые препятствия и выйти победителем в своих авантюристически дерзких планах.

Решающее слово оставалось за Шефом. Знакомство с Шефом было кратким и впечатляющим. Крупный, добродушносурового вида человек с ямочками на круглых розовых щеках возвышался над дубовым, огромных размеров старинным письменным столом и, казалось, заполнял собой всю довольно просторную комнату. Он бегло, по диагонали просмотрел мои документы и требуемый при поступлении реферат, никак не отреагировал на мой инженерный диплом и сказал коротко: «Ну, что же, давайте попробуем, сдавайте документы и готовьтесь к экзаменам».

Это уже была победа и удача, поскольку больше всего я боялась, что буду выставлена сразу с порога, как только обнаружится мое не базовое образование. Окрыленная, засела я за книги и учебники. Дело оставалось за малым, за месяц пройти университетский курс социальной психологии. Государственная библиотека имени Салтыкова-Щедрина с ее чудесным дымящимся черным кофе на время стала моим родным домом. Я приходила к открытию и уходила последней. Мне было по-настоящему интересно, и я не чувствовала себя уставшей или переутомившейся.

На экзаменационные вопросы я отвечала без запинки. Шеф был вполне удовлетворен, вывел мне жирную «Отлично» и даже поставил в пример другим экзаменующимся. Итак, я получила благословение на дальнейшую работу, теперь уже над диссертацией. И все эти нелегкие аспирантские годы, и много позже, когда судьба посылала новые испытания, как-то так получалось, что этот город с его холодновато-надменной державной красотой словно служил мне внутренней опорой и укреплял мой дух в самых тяжелых испытаниях, посылаемых судьбой.

Чем больше я узнавала этот город, тем больше благоговела перед ним. Он был очень разный и очень контрастный. Отточенная и безупречная архитектурная красота фронтальной части зданий повсеместно соседствовала со зловещей убогостью каменных дворов-колодцев и черных, безнадежно запущенных лестниц. Я снимала комнату на Пяти Углах, недалеко от

дома с мемориальной квартирой Достоевского. Казалось, тени его несчастных героев сопровождали меня, когда я вечерами возвращалась через пустой, зигзагообразный двор-колодец к двери бывшей дворницкой, располагающейся в торце старинного здания. Моя квартира и ее обитатели также были чисто в духе Достоевского и его персонажей. Входная дверь открывалась сразу в большую переднюю с провалившимся полом, которая одновременно служила кухней, столовой и местом сбора всего хозяйского семейства. Из передней шел узкий, с низким тяжелым сводчатым потолком коридор, с чередой дверей. За этими дверями располагались крохотные, совершенно облупленные комнатенки с затхлой, убогой мебелью, где проживали и члены семейства, и квартировавшие. Помимо хозяйки семейства, главой которого была маленькая, очень деятельная женщина-дюймовочка, здесь также проживали старая, никуда не выходившая бабка и двое, вороватого вида сорванцов, в одной или двух комнатах временами селились на короткое время жильцы вроде меня.

Несмотря на совершеннейшую убогость своего пристанища, я полюбила его и его обитателей и даже успела проникнуться их повседневными заботами и горестями. Дюймовочка была постоянно озабочена добыванием денег. Для чего она выполняла сразу массу разнообразных функций: работала сторожихой в соседней школе, чистила снег с крыш, ходила мыть окна состоятельным жильцам, сдавала комнаты и еще, вела непрерывные военные действия со своим приходящим мужем-пропойцей. Бабка целый день воевала с сорванцами, а в выкраивающееся свободное время со вздохами, охами и обескураживающими подробностями, рассказывала о военных и послевоенных тяготах деревенской жизни. Жизнь обитателей дворницкой была бесконечно далека от парадного Ленинграда и от университетско-библиотечного мирка, но тем не менее, очень совмещалась с темой моего диссертационного исследования.

После долгих раздумий и взвешиваний темой диссертации я выбрала детскую преступность. Обследование несовершеннолетних преступников я проводила в следственном изоляторе. Пропускали меня туда только по воскресеньям, когда был свободен отсек со специальными комнатами для допросов. Словоохотливый замполит следственного изолятора, в нарушение всех инструкций и с известной долей риска, запустив меня в этот отсек, выводил ко мне по пять пацанов, которые распределялись по одному в комнатках с привинченными табуретками и столом и запирали на ключ общее помещение. Охрана по воскресеньям тоже отдыхала и я оставалась одна с пятью подследственными, заполняющими мои анкеты и тесты.

День такой работы заканчивался для меня состоянием полной опустошенности. Было безумно жаль пацанов, выглядевших затравленными волчатами. Большинство из них впервые в жизни делали открытие, что со взрослым человеком, оказывается, тоже можно по-человечески общаться, без окриков и нравоучений, и что кому-то интересна их жизнь. Участливого разговора было достаточно, чтобы теплели их лица и начинались откровения, от которых становилось не по себе.

Я вспоминала свой, когда-то поразивший меня, скромный опыт перевоспитания трудных подростков, за которыми закрепили меня по комсомольской линии на заводе, где начиналась моя трудовая биография. Тогда на завод прибыла большая ватага ПТУшников-детдомовцев, с которыми не было никакого слода. Они никак не могли войти в рабочий режим и прогуливали работу в самый неподходящий момент, когда в цехе объявлялся аврал и каждая пара рабочих рук была на учете. Не помогали ни комсомольский прожектор, ни проработка на собрании, ни суровый разнос начальника цеха. По малолетству их нельзя было уволить, принять же на занятое рабочее место других тоже было невозможно, и цех горел синим пламенем вместе со своим производственным планом и премиальными. И тогда мне пришлось в голову пообщаться с девчонками, наиболее злостными прогульщицами, в их домашней обстановке. Я заявила к ним в воскресенье, в их комнату в рабочем общежитии. За полупустым столом сидела большая курящая компания, которая нисколько не смутилась от моего появления. Один из гостей, криминального вида юноша, вытащил финку с автоматически выбрасывающимся лезвием, кото-

ром и был разрезан мой торт, и мы начали мирное чаепитие. Разговор был крайне незатейливый, что называется, ни о чем. Я поинтересовалась, из каких средств они питаются и ведут свое хозяйство, поскольку заработки с учетом многочисленных прогулов были мизерными. Мне ответили, что много им и не надо, на чай и хлеб хватает, а к остальному они не приучены. Не было потребностей и в развлечениях: кино, театре, книгах, не беспокоила и проблема нарядов. Жизнь была скучна и необременительна никакими размышлениями о будущем.

После чаепития меня хором проводили домой и в конце, всем захотелось посмотреть, как я живу. Моя скромная однокомнатная хрущевка, тем не менее, произвела на моих гостей весьма сильное впечатление. Оказалось, что выросшие в детдоме, они никогда не видели обыкновенной жилой квартиры и впервые попали в семейный дом.

С этого вечера у нас завязалась теснейшая дружба, девчонки привязались ко мне так, как могут привязаться бездомные животные к вдруг обретенному хозяину. Удивительно, как немного потребовалось им, чтобы решительно изменить свой образ жизни. Закончились проблемы с прогулами, они бросили курить, прибарахлились, поступили в вечерние школы и довольно скоро обзавелись своими семьями. А еще, им захотелось разыскать когда-то отказавшихся от них мамаш. Поразительно, но у этих бедных детдомовских девочек не было и тени обиды на своих несостоявшихся мамаш, а только жалость и желание вытащить их из беспутной, пропащей жизни.

Как немного всем им было нужно, но и этого немного не могли им дать люди. Жалость и бессилие приводили меня в отчаяние после общения с моими юными арестантами. Я ничем, ничем не могла помочь этим пацанам. Ведь наивно же было думать, что моя диссертация действительно способна принести хоть какую-нибудь реальную пользу.

И когда мы с Шефом, после моей защиты, обсуждали за бутылочкой коньяка мои дальнейшие планы, я сказала, что буду менять свою проблематику, и что у меня больше не хватает здоровья заниматься этими трудными детьми, которые никому не нужны в нашем государстве. На что мой немногословный Шеф изрек свою очередную пророческую фразу: «Кто всерьез начинает заниматься этой проблемой, тот ее уже никогда не оставляет». Я ответила, что в ситуации, когда этими детьми никто, кроме милиции, не интересуется, наши научные изыскания не что иное, как спекуляция на злободневной проблеме. На что Шеф, будучи уже хорошо подшофе, выдал не характерную для себя пространственную тираду на тему, что так не может долго продолжаться и что, в противном случае, доживем опять до Октябрьской революции. Неправдоподобными, ох, как неправдоподобными, казались мне тогда, в 1978 году, его нетрезвые речи. И хотя я знала редкую прозорливость Шефа, тогда эти прогнозы я отнесла на издержки хмельного застолья.

Но Шеф оказался прав, как всегда и когда говорил, что я не смогу оставить свою проблему, и когда предрекал грядущие перемены в нашем отечестве.

Но, как говаривал Воланд в знаменитом романе Булгакова: «Ваш роман Вам принесет еще сюрпризы», – так и грядущие перемены, которые предрекал Шеф, также принесли много неожиданностей. Не меньше сюрпризов преподнес мне и мой научный интерес. Начиная после защиты кандидатской диссертации преподавать психологию в Тюменском университете, я не на шутку решила сменить свою проблематику, практическая невостребованность которой меня угнетала. Хотелось сосредоточенной академической жизни, уединенных занятий за письменным столом и лекторской деятельности в студенческой аудитории. Чего-чего, а лекторской нагрузки оказалось более, чем с избытком. С полной выкладкой была учебная аудиторная нагрузка, которая включала все читаемые в то время психологические дисциплины, к этому добавлялись бесчисленные лекции по линии общества «Знание», которое тогда весьма исправно функционировало, кроме того, для преподавателей Университета были обязательными лекции в Институте усовершенствования учителей.

Казалось бы, дай Бог справиться со всем этим. Но как уже было замечено не нами – «Человек предполагает, а Бог располагает». Так и тогда, не получилось у меня размеренной академической жизни. А началось все с того, что мне поручили руководство макаренковским студенческим педагогическим обществом, что меня, на первых порах, крайне обескуражило. Ни с Макаренко, ни с педагогикой я была не знакома. А пытливые студенты халтуры не прощали. Они и сами, придя в макаренковское общество, не намерены были халтурить. Всем хотелось попробовать себя на реальном педагогическом поприще, и инспекция по делам несовершеннолетних такую возможность, конечно же, предоставила. Прослушав коротенький психолого-педагогический курс, мои студенточки брали себе в подшефные трудных подростков и становились, по сути дела, теми самыми социальными работниками, о которых у нас заговорили лишь десять лет спустя. Они добросовестно навещали своих подшефных, утрясали их непростые отношения в школе, дома и во дворе.

Не все и не у всех шло гладко. Но, не обремененные жизненным опытом, мои юные воспитатели не склонны были отчаиваться. Наши связи с внешним миром все больше расширялись. Мы дружили с подростковыми клубами, начали сотрудничать с кафедрой психиатрии медицинского института. И психиатры не только стали делать доклады у нас, но и, в случае необходимости, обследовать и консультировать наших трудных. Мы даже смогли съездить в Куряж, бывшую колонию имени Дзержинского, где когда-то, в конце двадцатых годов, работал сам Антон Семенович Макаренко. И Макаренко стал для нас не просто хрестоматийным автором, а человеком живым, страстным, страдающим и ищущим, как и мы, способы помощи этим попавшим в беду пацанам.

Но самой захватывающей страницей нашей жизни стала дружба с подростковыми клубами и особенно с клубом «Дзержинец», который как вольная и независимая республика «ШКИД», размещался в центре города, в бывшей водонапорной башне и неудержимо влек к себе пацанов со всего города.

Увы, эта вольнолюбивая башня влекла к себе не только подростков, не меньше свой недобрый интерес к ней проявляли и взрослые из различных проверяющих инстанций, начиная от прокуратуры, милиции, пожарников, горono, совета ветеранов и т. д. Цену, с которой тогда педагогические новации пробивались в жизнь, мне пришлось узнать не только по газетным публикациям, но и по многострадальной судьбе нашего любимого клуба и его руководителя, Нечаева Геннадия Александровича, Генсаныча, нашего местного Макаренко, как с легкой руки журналистов его прозвали.

Педагогические баррикады

Середина 80-х годов запомнилась газетными и журнальными баталиями по поводу педагогических новаций, которые получили тогда имя «педагогики сотрудничества». Это движение начало формироваться вокруг «Учительской газеты», когда ее главный редактор Владимир Федорович Матвеев и журналист Симон Соловейчик стали писать о педагогах-новаторах, сотрясая своими публикациями устои традиционной советской школы и академической педагогической науки. Тогда стало известно о донецком математике Викторе Федоровиче Шаталове, о директоре белгородской сельской школы Михаиле Петровиче Щетинине, о тбилисском докторе психологических наук Шалве Александровиче Амонашвили, о семье Никитиных и о многих других подвижниках этого зарождающегося движения, которому суждено было взорвать застывший казенный монолит нашей школы, где главным мерилом педагогического успеха стал «порядок». «Новый порядок», это, как известно, было любимое слово и цель кровавых завоеваний Гитлера. Может быть, это неслучайное совпадение как нельзя лучше отражало суть тоталитаризма, независимо от того, на какой основе он замешан – коммунизме или фашизме.

Советский тоталитаризм, как это ни парадоксально, что, кстати сказать, было мало кем замечено, начал взрываться из школы. Собственно, суть педагогики сотрудничества, как и суть последовавших спустя пять лет после возникновения этого движения общественных перемен, сводился к простому – относиться к человеку, даже маленькому, не как к бездушному винтику, а как к партнеру, который имеет право на свои пристрастия, на свое мнение, и помнить, что успех его школьной деятельности зависит от того, насколько этому человеку интересно или неинтересно в школе, на уроке, с учителем. Это, казалось бы простое и понятное условие в корне заставляло менять и педагогическую науку и педагогическую практику, больше ориентированных на принуждение.

В октябре 1986 года учителя-новаторы вместе с Матвеевым и Соловейчиком собрались в подмосковном Болшеве, в доме семьи Никитиных, и разработали свой коллективный манифест с основными принципами педагогики сотрудничества, делавшими не нужной практически всю академическую педагогическую науку, над которой работали 16 научно-исследовательских институтов Академии педагогических наук.

Бешенная оголтелость, с которой была принята педагогика сотрудничества и ее последователи столпами академической науки, не останавливалась ни перед чем. В ход шли в основном проверенные средства: интриги, клевета, шельмование, навешивание ярлыков. И это было все труднее делать, поскольку в поддержку новаторов стало формироваться широкое общественное мнение, и не только «Учительской газетой». Во всех наиболее передовых и массовых периодических изданиях того времени, газетах «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета», журналах «Огонек», «Новый мир» и других, появилось свое бойкое перо, которое писало на тему школы, детства, учительства. И читать это было по-настоящему всем интересно. В обществе переживался интересный феномен. Педагогические темы на какое-то время стали центром общественного внимания.

Борьба, между тем, была, что называется, не на жизнь, а на смерть. И к сожалению, не обошлось без жертв в прямом смысле слова. Не выдержав многолетней травли, сторел в конце восьмидесятых главный редактор «Учительской газеты» Владимир Федорович Матвеев. После его смерти стали затухать газетные баталии по поводу педагогики сотрудничества. Но уже был расшатан и основательно подгнил главный бастион противника – тоталитарная идеология и ментальность, которыми жило и с которыми сжилось общество за 70 лет.

Тогда в пылу школьной полемики не осознавалось, что за прорывом в педагогике последуют решительные перемены всей социально– политической и экономической жизни нашего общества, нашего государства и каждого из нас.

И наверно, не случайно, что первыми обостренно почувствовали невозможность застойной омертвляющей жизни в школе те, кто соприкасается с живыми, растущими и развивающимися детскими душами. И там, опережая политиков всех рангов, начали с боем прорываться ростки новых очеловеченных отношений.

В нашем далеком от столицы сибирском городе бастионом этих педагогических сражений стал наш любимый подростковый клуб «Дзержинец». Тучи постепенно собирались над крышей бывшей водонапорной башни, где размещался «Дзержинец», и над его начальником, неунывающим крепышом Генсанычем.

Ребятня жизнь бурлила в «Дзержинце». Здесь подростков не делили на трудных и благополучных, хотя трудные-то и составляли в клубе большинство. Они стекались в башню со всего города, побуждаемые вначале простым и понятным для мальчишек желанием «подкачаться». Непростая и опасная уличная жизнь требовала от пацанов физической силы и ловкости для отстаивания себя и своего мальчишеского достоинства в кровавых драках. Наслышанные, что в «Дзержинце» можно быстро освоить приемы самбо и каратэ, ребята спешили записаться в клуб. Генсаныч принимал всех, понимающе выслушивал полуправду, полуложь новичков и ставил условие: «Доступ к желаемому карате и самбо возможен только через участие во всех коллективных делах клуба».

Но чем больше завоевывал клуб популярность у мальчишек города, тем больше у него становилось недоброжелателей, особенно среди блюстителей порядка, в милиции и прокуратуре. Вряд ли эти блюстители, которые ополчились на «Дзержинец» и Генсаныча, могли объяснить себе мотивы своей яростной ненависти. Эта категория людей вообще не склонна к рефлексии и каким бы то не было глубоким размышлениям. Как известно, чтобы запрещать и не пущать, много ума не требуется, и мало того, ум при этом еще и мешает

Поводом, давшим выход кипевшим вокруг «Дзержинца» страстям, стала история с Наташкой, 13-летней строптивой девчонкой, в очередной раз сбежавшей от воспитывающей ее, как правило, ремнем, бабки. Только в этот раз она сбежала не на вокзал или в подвал, а в клуб, в который незадолго перед этим прибилась и успела полюбить больше, чем свой дом.

На беду, Наташкина бабка оказалась из разряда таких же яростных блюстителей порядка, нашедших свое призвание на старости лет в сутяжничестве и писании жалоб. Обнаружив пропавшую Наташку в клубе, она тут же разразилась письмами и жалобами во все мыслимые и немыслимые инстанции, в которых дала волю своим буйным фантазиям, согласно которым, клуб был ничем иным, как притоном, развращающим малолетних.

Такого сигнала только и ждали, и сразу же, вереница въедливых и ничему не желающих верить проверяющих двинулась в «Дзержинец». Инспектора из народного образования требовали планы воспитательной работы, сотрудники инспекций по делам несовершеннолетних – списки стоящих на учете в милиции подростков и планы индивидуальной работы с ними, пожарники – правил соблюдения пожарной безопасности, санэпидстанция – медицинских освидетельствований детей и сотрудников.

Но больше всего старался представитель совета ветеранов, который был представлен в лице еще вполне крепкого, полоумного дедка, вышедшего на заслуженный отдых из органов. На встречах с молодежью, где он делился воспоминаниями о своем богатом жизненном опыте, больше всего этот ветеран любил рассказывать, как во время войны, служа в СМЕРШЕ, расстреливал разных отщепенцев и не закапывал. Эту фразу он почему-то произносил подчеркнуто горделиво, как главный свой воинский подвиг. Конечно же, по строгой оценке всех проверяющих ни Генсаныч, ни «Дзержинец» не выдерживали никакой критики и клуб надлежало немедленно закрыть. Напрасно Генсаныч просил представителей всех инстанций встретиться

с ребятами, и ребята сами прорывались к проверяющим. Напрасно им подсовывали пухлые альбомы, где питомцы клуба, бывшие хулиганы, были сфотографированы в военных формах с приложенными благодарностями от воинских частей, где они успешно служили. Напрасно наперебой рассказывали о бывших питомцах клуба, по которым когда-то плакала тюрьма, как благодаря клубу состоялась их судьба, как стали они учителями, офицерами, передовиками производства, учились в институтах, служили в армии.

Но ни слушать ребят, ни знакомиться с живой историей клуба и судьбами его питомцев проверяющие и не думали. Задача была простой и предельно ясной – прикрыть клуб и примерно, по всем возможным линиям, наказать Генсаныча. Это бы, конечно, и произошло, если бы Генсаныч, несмотря на свое богатырское здоровье, не свалился с тяжелейшим заболеванием нервной системы – парезом правой стороны.

В разгар этих событий я возвратилась из Москвы, где наконец-то после долгих проволочек и изобретательных интрижек коллег по кафедре получила приказ Министерства о переводе в докторантуру и предвкушала наконец-то с головой погрузиться в свои научные труды. Не успела я разложить свой багаж, как затрещал телефон с печальными известиями, а следом прибежали дзержинцы с моими студентами-макаренковцами, работающими в клубе, и подробно, в картинках, изложили всю историю разгрома «Дзержинца».

Наутро я была в больнице у Генсаныча. Его вид меня ошеломил. Вместо невысокого крепыша, каким я его знала много лет, навстречу мне вышел щуплый подросток с перекошенным от пареза нерва лицом. Он держался мужественно и пытался шутить, но было явно не до шуток. Надо было что-то делать, спасти Генсаныча, спасти клуб и всех, кто с ним связан.

На два месяца я потеряла сон и аппетит. Квартира превратилась в штаб, где писались письма в инстанции, статьи в местные и центральные газеты, приходили журналисты и все, кто болел за клуб. Таких оказалось немало. Приехала журналистка из «Учительской газеты» Лена Хилтунен. Ее визит в отдел народного образования и затем, публикация в газете, заставили присмиреть проверяющих, разоблачающих «непедагогичность» Генсаныча.

Собкор «Советской России» Игорь Огнев, с нашей общей статьей, прошелся по высоким этажам партийных органов. Я сама с коллективным письмом от научной общественности обошла почти двадцать кабинетов городских и областных властей. Подключилась местная пресса.

Наша бурная деятельность закончилась тем, что как-то утром у меня дома раздался звонок секретаря горкома партии по идеологии, которая раздраженным тоном приказала прекратить шумиху вокруг «Дзержинца», поскольку это мешает властям работать. На что я резко по тем временам ответила, что мы оба, она как партийный работник, а я как ученый, даром едим свой хлеб, если такие, как Генсаныч, оказываются в больнице.

Общими усилиями пожар вокруг «Дзержинца» удалось загасить, подлеченного Генсаныча отправили восстанавливаться на курорт, жизнь в клубе начала понемногу восстанавливаться.

Но история на этом не закончилась. Теперь мстительные блюстители порядка принялись за меня, а вернее, за мою закрытую год назад хоздоговорную научную тему, которую я вместе со своими студентами – макаренковцами выполняла по заказу областного управления внутренних дел. Нам тогда, с девчонками-второкурсницами, третьекурсницами удалось обследовать около тысячи стоящих на учете подростков, добрая половина из которых находилась в тяжелейших условиях и требовала немедленной помощи, которую милиция, конечно же, не имела возможности оказывать. Мои сердобольные девчонки, как могли, поддерживали пацанов, подкармливали со своей степешки, помогали с уроками и безнадежной школьной запущенностью, увещевали пьянствующих, потерявших человеческий облик родителей, словом были, по сути дела, настоящими социальными работниками, о которых мы в то время не слышали. За свою работу они получали по нашей хозтеме 0,1 ставку младшего научного сотрудника, то есть 10 рублей, что составляло треть от их степешки.

Тщательнейшая проверка никак не могла установить ни нарушений, ни хищений в нашем, более чем скромном бюджете. И тогда подключили, как к особо опасному делу, городскую прокуратуру. Для проверки была направлена старейшая, опытнейшая работница прокуратуры. Прокурорша, действительно, оказалась не на шутку добросовестной и обошла всех моих девчонок, чтобы убедиться, что это их подписи стоят в ведомостях с их копеечной зарплатой. В нашем провинциальном городишке и таком же провинциальном, любящем посудачить университете, эти прокурорские проверки вызвали немалый переполох и еще большие пересуды.

Наконец-то проверка закончилась, и я получила повестку для явки в прокуратуру. Можно себе представить, в каком состоянии я шла в это грозное заведение. Но мне повезло, и крупно. Когда я с дрожащими коленками вошла в кабинет, мне навстречу встала пожилая женщина с уставшим лицом, неожиданно для меня протянула мне руку и сказала: «Я пригласила вас, чтобы извиниться». Добросовестность прокурорши не прошла даром. Она увидела всех моих девчонок, которые в свои восемнадцать-девятнадцать лет как могли спасали пропащих пацанов, получая при этом символическое вознаграждение. И сердце пожилой женщины дрогнуло, тем более что о каких-либо финансовых нарушениях и хищениях при нашем копеечном финансировании было смешно и нелепо говорить.

Мне действительно повезло, поскольку затем, с годами выяснилось, что в аналогичных делах еще не факт, что отсутствие хищений либо нарушений освобождает от заключения и тюремных нар.

Шло лето девяносто первого года, канун злополучного путча, разгар демократической эйфории опьяневшего от свобод российского общества. Мы приступили к работе над ВНИ-Ковской программой, сформированной российским правительством Ивана Силаева.

Наконец-то мы получили возможность вместе с Правительством разрабатывать и внедрять сеть социальных и психологических учреждений, способных помогать трудным детям и их родителям. Наша команда состояла из людей, ни один год болеющих этой проблемой. Ученые объединились с практиками, руководителями опытно-экспериментальных площадок, первых реабилитационных центров, социальных приютов и психологических консультаций, работающих в режиме эксперимента, без всякой нормативно-правовой базы.

И вдруг, как гром среди ясного неба, – арест по очевидно сфабрикованному обвинению директора в то время первого в России московского социально-реабилитационного центра, Быковского Александра Александровича. Ему грозило ни много ни мало 10 лет. Коллективные письма, обращение к депутатам, бегание по инстанциям позволили добиться пересмотра дела лишь на четвертом судебном заседании, когда наконец заслушали свидетелей со стороны защиты и скостили срок до 5 лет. К тому времени он пробыл в следственном изоляторе 3 года. И это было не меньшее потрясение, когда я увидела некогда импозантного мужчину, интеллигентного человека исхудавшим и затравленным в железной клетке зала судебного заседания. Еще ушло два года, пока Верховный суд пересмотрел дело и вынес оправдательное решение, отменив все предъявленные обвинения. Это оправдательное решение стоило Александру Александровичу пяти лет тюремного заключения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.